

В ОЖИДАНИИ КОЗЫ

Повесть

и набросился на Вада и стал срывать с него одежду. Вад дрался, как тигр, но силы были слишком неравны.

Со мною Ему пришлось повозиться: я был рослее и крепче брата. Мне даже удалось опрокинуть Его на солому, но это была случайность.

Потом Он принес банку с колесной мазью и обмазал нас вонючей жидкостью. Мы были брошены на солому в куриный закуток. Калитку Он закрутил толстой проволокой. Его пальцы смяли проволоку, как солому. Позже я попытался раскрутить ее, но не смог отогнуть даже конец.

В закуске было очень жарко. С одной стороны стена сарая, с двух — высокая каменная ограда сада. Сверху — клочок неба с раскаленной сковородкой солнца, внизу — горячая солома. Он знал, куда посадить.

— А-а... —
затянул Вад.

Он был очень упрямый, мой младший брат Вад. Он мог часами тянуть одну какую-нибудь ноту. Средневековые фанатики не годились ему в подметки. Кто из них смог бы простоять в роднике два часа босым? А мой брат простоял, даже не на спор, а просто так, из упрямства. Для испытания своей воли брат выжег у себя на руке увеличительным стеклом букву «В». Когда рука у него шипела и дымилась, он лишь смеялся страшным смехом. Впервые его упрямство обнаружилось в раннем детстве. Когда Ваду сравнялось четыре года, он неожиданно перестал разговаривать. Перепуганная мать стала таскать его по больницам. Врачи проделывали с Вадом всякие фокусы, но он оставался нем.

Так продолжалось около месяца. Мы уже стали привыкать к мысли, что Вад по какой-то причине сделался глухонемым, как вдруг мой брат опять заговорил. Оказывается, все это время он молчал нарочно: обиделся на мать, когда та вечером не пустила его гулять на улицу.

Из упрямства Вад делал все наоборот. «Перечил», как говорила мать. Например, скажешь ему:

РАБСТВО

«ТОЛЯ! ГОСПОДИ, ТОЛЯ!»

В один из вечеров, когда мы вместе с соседом-бухгалтером сидели дома за столом и пили чай, я вдруг случайно посмотрел в окно и увидел, что со двора глядит черное, заросшее лицо. Это было настолько неожиданно, что я оцепенел.

— Там... кто-то... — прошептал я.

Мать глянула и страшно закричала. Я еще никогда не слышал, чтобы так кричали.

— Толя! Господи! Толя!

И кинулась в сени. Оттуда ее принес на руках небритый человек в грязной шинели, с рюкзаком за плечами. Я сразу понял: это пришел наш погибший отец. Бухгалтер, видно, тоже догадался. Он боком доковылял до дверей, сказал: «До свиданьца» — и вывалился в сени.

Наш отец погиб на фронте в 1944 году. В комоде лежала желтая похоронка: «Пал смертью храбрых, защищая Родину...» До этого отец учился в военном училище, потом воевал на финском фронте, и я его плохо помнил. О моем младшем брате Ваде и говорить нечего.

Мы уже как-то привыкли к мысли, что нашим отцом будет сосед, хромой бухгалтер из Госбанка. Он приходил почти каждый вечер и нравился нам с Вадом. Сидит и молчит, чай пьет. Попьет, расчесется и опять пьет. Ко мне и Ваду он относился уважительно, называл на «вы», а самое главное — умел держать язык за зубами. Один раз он застал нас за починкой примуса и не продал, хотя примус потом взорвался и мы целую неделю сидели без чая, пока не достали новый. Без чая бухгалтер мучился. Он не знал, что можно еще делать, пытался и без конца расчесывался.

— Рассказали бы что, Семен Абрамыч, — просила мать. — Про смешной случай какой или приключение.

Бухгалтер задумывался, потом хлопал себя по коленям:

— Однажды... у меня дебет не сошелся... с кредитом.

И так сильно смеялся, что со стола улетали мухи.

В тех случаях, когда мы не ночевали дома (иногда мы с пацанами совершали путешествия на товарняках), мы шли к бухгалтеру и просили сказать матери, что были у него. Семен Абрамович охотно соглашался.

Бывать у бухгалтера мы любили. Хотя он жил один, но в доме всегда было прибрано и чисто. Везде белые занавесочки, даже на зеркале, и чтобы посмотретья, надо было раздвинуть шторы. На стенах висело много разных красивых плакатов, но все они были почему-то мрачного содержания: то боец бросался с бутылкой горючей смеси под танк, то немцы жгли хату, то дети играли на мостовой, а на них мчалась машина. Вообще жилище бухгалтера сильно отличалось от нашего: там имелась большая этажерка, полная аккуратно переплетенных отчетов. На комодѣ стояли гипсовые кошечки, собачки, слоники, а посредине возвышался толстый, тяжелый кот, набитый мелочью. Над кроватью висел ковер с очень красивым рисунком, где были замок, озеро, лебеди, царевна с царевичем и еще много всякой всячины. Этот ковер я рассматривал, наверно, уже раз двадцать и все равно каждый раз находил все новые и новые детали.

Когда мы приходили, бухгалтер доставал с полки большую банку, полную слипшихся круглых конфет, и давал ровно по две штуки. Пока мы вежливо сосали, он работал: что-то писал и щелкал на счетах. В это время вид у Семена Абрамовича был очень внушительный и ученый.

Даже в будни бухгалтер одевался очень аккуратно: на нем всегда был, несмотря на жару, выглаженный костюм в полосочку. В карманчике пиджака разноцветные заточенные карандаши, расческа, очки. На шее с огромным узлом шелковый галстук.

Всех людей бухгалтер делил на две неравные группы: культурных и некультурных. Люди культурные — их меньшинство — это те, кто работает в учреждениях, чисто одевается, читает газеты. Особенно Семен Абрамович ценил тех, кто имел красивый почерк и мог быстро в уме умножать и делить. Сам бухгалтер писал очень красиво, а о счете и говорить нечего: умножить, например, в уме 35 на 47 ему было раз плюнуть.

Некультурные же люди — все остальные.

Нашей матери бухгалтер говорил, что когда у него будет семья, то в ней все будет культурно. Он не позволит своей жене заниматься физическим трудом, а устроит ее в банк или аптеку и выпишет журнал «Работница». Детей же он отдаст учиться на ревизоров, даже если вдруг окажется, что это дети неродные. У него мягкое сердце, и он будет их любить, как отец.

Услышав слово «отец», мать начинала плакать. Бухгалтер нервничал, еще больше пил чаю и чаще расчесывался.

— Ничего... — бормотал он. — Еще не известно, как лучше... Может, попадется хороший человек, культурный... со своим домом...

Всем было ясно, о ком идет речь, но мать делала вид, что ей непонятно. Она все оттягивала свадьбу и сильно плакала по ночам в подушку.

При случае я всегда расхваливал матери бухгалтера. Если уж нет настоящего отца, то лучше, чем бухгалтер, наверно, и не найти.

О настоящем отце я знал очень мало. Помнил только, что у него были усы и красное, обветренное лицо. Когда у нас происходили конфликты с матерью, она всегда вспоминала отца. По ее словам, это был человек очень сильный, строгий, с железным характером. Мы бы у него «ходили как шелковые». Отец не позволил бы нам гонять целыми днями без дела. Сам он работал кузнецом, слесарем, конюхом, имел золотые руки и любил, когда все вокруг работали.

В первые часы мне не удалось рассмотреть своего отца, так как мы все были заняты матерью. Она несколько раз падала в обморок. Говорит-говорит с отцом, вдруг упадет на пол и почти не дышит. Но потом она немного успокоилась, отец умылся и стал распаковывать свой рюкзак. Он достал оттуда консервы, сало, зеленую фляжку со спиртом, большой кусок белой атласной материи.

— Это тебе на платье, невеста, — сказал он матери. — Из парашюта...

Мать взяла материю, подошла к зеркалу и распустила кусок до пола. Фигурой она действительно была похожа на невесту — тоненькая, а лицо обветренное и морщинистое...

— Господи, старая-то какая... — Мать опустила руки и заплакала.

— Ну-ну, — отец отобрал шелк, — ты у меня еще кра-

савица. А что же мальчикам подарить? Игрушек у меня нет.

— Игрушки... — сказала мать. — Для них порох да бомбы игрушки.

— Нате-ка вам планшет. В школу будете книжки носить.

— А противогаза у вас нет? — спросил я.

— Нет... — Отец погладил меня по голове. — Какой большой ты стал... А зачем тебе противогаз?

— На пращи, — ответила за меня мать. — Воробьев да стекла бить. Они и планшет порежут. Такие разбойники... Слава богу, ты пришел...

— Ничего, они хорошие ребята, — сказал отец. — Ишь какие орлы. Со старшим уже можно выпить. Сколько тебе, Виктор?

— Четырнадцать.

— Верно.

Отец усадил нас рядом с собой и взял фляжку.

Матери и мне он лишь слегка плеснул в стаканы, а себе налил полкружки.

— За победу! — сказал он и выпил все до дна, не поморщившись.

— За то, что... живой. — Мать поперхнулась и зарыдала. — Теперь... у детишек... отец... Есть отец... Толя! Господи! Толя!

Этот вечер прошел словно во сне. Верилось и не верилось, что сидящий рядом жилистый человек с длинными черными усами мой настоящий отец. Мать, наверно, испытывала то же самое. Она или закрывала глаза и качала головой, слушая бессвязную речь отца, или подходила к нему и плакала, упав на плечо, а то, не стесняясь нас, начинала обнимать и целовать.

Отец много говорил, перебивая сам себя, перескакивая с одного случая на другой. То он рассказывал, как попал в окружение, то про первый бой, то как убили друга, то про войну в партизанах, то про Францию, куда он попал в конце войны.

Я много читал книг про войну, но приключения отца были похлеще любой книги. Рассказывая, отец сильно волновался: лицо шло красными пятнами, руки дрожали.

— Ладно, ладно. — Мать завинтила фляжку. — Потом доскажешь. Иди ложись...

Она отвела отца в спальню и стала снимать с него сапоги.

— Постой, я сам... — бормотал отец и счастливо улыбался, глядя мать по волосам. — Я же не раненый... Это раненым...

Мы взяли по куску сала, планшет и улизнули во двор. Было уже темно, но я разглядел, что возле нашей калитки кто-то стоит. Это оказался сосед-бухгалтер.

— Это... отец? — спросил он хриплым голосом.

— Ага, — ответил Вад, жуя сало. — Он в партизанах воевал и во Франции был. Видали, какой планшет?

Семен Абрамович взял планшет и помял его в руках.

— На подметки хорош...

— А матери он целый парашют принес.

— Ну ладно, я пошел, — сказал бухгалтер. — Мне еще отчет делать... Вы заходите...

Семен Абрамович ушел, хромая сильнее, чем всегда.

— Переживает, — сказал Вад.

— А как же ты хотел? Никто даже и не думал...

— Пацаны подохнут от зависти. Теперь мы с ним и фрица откопаем, и сторожу наkostenяем, и итальянку разминируем.

— Ты думаешь, он будет ходить с нами? — усомнился я.

— А что ему еще делать? С войны отдохнуть надо.

Вад был прав. Все, кто приходил с войны, обычно первое время отдыхали: пили, ходили по улицам с гармошкой, ловили на речке рыбу.

На завтра у нас были обширные планы. Мы решили посвятить в них отца.

ПЕРВОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Отец проспал, наверное, часов до девяти. В это время мы уже были бог знает где — в отличие от других пацанов мы с братом любили рано вставать, — но сейчас мы слонялись по дому и изнывали от безделья. Мать давно уже приготовила завтрак, а отец все спал. Спал он очень беспокойно. В щель было видно, как он ворочался, хмурил лицо.

— Наверно, ему про войну снится, — сказал Вад. — Вот бы посмотреть.

Когда мать ушла за водой, мы пробрались в спальню и стали разглядывать отца. Из-под одеяла виднелись грудь и руки. Они были все в шрамах.

— Это собаки, — сказал я. — Помнишь?

— Ага... Даже на горле...

— И пальцев на ноге нет...

— Где? — Вад нагнулся и уронил планшет, с которым не расставался со вчерашнего вечера.

От звука отец проснулся. Он сел и уставился на нас немигающим взглядом. Очевидно, не мог понять, где находится.

— А... это вы, орлы... Идите сюда... Что делаете?

— Вы мины разминировать умеете? — спросил Вад.

— Приходилось. А зачем вам?

— Тут рядом итальянская машина заминирована. Вот бы ее раскурочить.

— Мины дело рискованное, — сказал отец. — Пошли лучше завтракать.

После завтрака отец вышел на крыльцо покурить. Мы уселись рядом.

— Может, сходим к машине? — опять спросил Вад.

Отец пыхнул сигаркой.

— Давайте плетень обмажем. Совсем завалился. Вы сходите на базар и насобирайте соломы, а я пока приготовлю глину.

Мы с Вадом уставились друг на друга. Вот это номер!

— Нам плетень не нужен, — сказал я. — Коров и коз на нашей улице совсем нет.

— Все равно непорядок, когда дом разгорожен. — Отец встал, поднял половинку кирпича и аккуратно потушил об него окурок. — Крыша у нас тоже вся дырявая. Так нельзя. Надо было толем залатать. Ты, Виктор, уже большой...

Мы с Вадом одновременно подняли головы и посмотрели на крышу. Действительно, какой-то гад забросил колесо от тачки и разбил несколько черепиц.

— Ерунда, — махнул я рукой. — Даже в самый сильный дождь не протекает.

— Не протекает, так может протечь. Ну, пошли, за работу. Пока мать обед приготовит, мы сделаем плетень.

— Может, лучше вечером? Сегодня будет жаркий день.

— Чего терять зря время?

Отец направился к плетню и стал его разбирать.

Мы потоптались. Потом взяли мешки и поплелись на базар. Вот тебе и фриц, итальянка, речка и грибы.

— Какой деловой, — сказал Вад. — И отдыхать не хочет.

— Это ему в охотку, — успокоил я брата. — Соскучился по дому. День-два повозится, и надоест.

Может быть, мы и принесли бы солому. Даже наверняка бы принесли, потому что дело это нетрудное, но когда мы явились с мешками на базар, туда как раз приехал цирк и мы проторчали возле него весь день, наблюдая, как проворные люди в блатных кепочках таскали клетки со зверями и натягивали на колья брезент. Про солому мы совсем забыли, тем более что мешки куда-то задевались. Только к вечеру, когда цирк был установлен, пустые желудки напомнили нам, что пора идти домой.

Подойдя к дому, мы не узнали его. Стены были свежевыбелены, крыша залатана, но самое главное — наш растрепанный, хилый плетень превратился в прочную, крепкую ограду. Во дворе тоже были изменения: трава выкошена, дорожка к уборной посыпана песком.

Когда мы вошли, отец с матерью ужинали.

— Я тебе говорила, — сказала мать. — К ночи явятся.

— Где были? — спросил отец.

— На базаре. Цирк приехал, — бодро сказал я.

— Мешки в сарай положили?

— Их у нас украли...

— Толя! — закричала мать. — Ты видишь? Ты теперь видишь? Новые мешки! Я за них пятьсот рублей отдала. Накажи их, негодяев!

— Садитесь есть, — сказал отец строго. — На первый раз прощаю, но чтобы этого больше не было. Раз родители сказали, надо выполнять.

— Выполнять... — подхватила мать. — Я уж и слово это забыла. Совсем от рук отбились! С утра до ночи гоняют по лесу да на речке. Недавно мину приволокли. Страшная, вся ржавая, а они давай ее молотками дубасить.

— Это не мина, а фаустпатрон, — сказал я. — Он был разряженный.

Отец нахмурился:

— Нашли игрушку.

— Недавно такой страшный случай был... лежал в лесу снаряд...

— Не снаряд, а бомба.

— Я вижу, ты все знаешь, — недовольно заметил отец.

— Они этим порохом всю комнату захламили. Гильзы какие-то... Вон, посмотри. — Мать показала на подо-